

МЫ КНИГУ ПОМНИМ С ДЕТСТВА

Марк БРОДСКИЙ,
главный библиотекарь
Российской государственной
детской библиотеки (РГДБ)

Алеша Почемучка

Дорогие друзья! Наша новая рубрика будет рассказывать о первых самостоятельно прочитанных и запомнившихся книжках. Марк Бродский, руководитель дискуссионного клуба «Диалогос» (<http://www.obsudim.net/>) при РГДБ, эрудит, педагог и библиотекарь, а значит, и «профессиональный» читатель, сегодня начинает рубрику своим рассказом о книжке Бориса Житкова «Что я видел?»

Моей первой книжкой, которую я прочитал сам, была самая веселая, самая художественная (как сейчас понимаю) энциклопедия для детей — это «Что я видел?» Бориса Житкова. Его Алеша Почемучка был очень похож на меня, только поменьше (мне было шесть лет) и задавал столько вопросов, сколько я сам себе еще не успел задать. Да и видел он больше меня.

Я очень завидовал Алеше, который приехал издалека и сразу стал жить в гостинице «Москва» с окнами на Красную площадь, и там нечаянно вызвал номерного, и тот принес ему с мамой чай, и они пили его «со своей колбасой и своими конфетами». Здорово! Но не это главное. Главное, что я всё это и многое-многое другое видел и узнавал вместе с Алешей и его мамой и бабушкой, которые были «точно вправду», потому что были живыми.

Я проверил свои детские впечатления, когда читал эту книгу своей пятилетней дочке. И снова убедился, как же она блистательно написана и как «прекрасно устарела».

Устарела насколько, что стала уже этим интересна. Сейчас вряд ли ребенок ее осилит самостоятельно — слишком много непонятного. Но, помню, нам вместе с дочкой было ужасно интересно сравнивать то, что видел полвека назад ее сверстник, с тем, что она сама уже знала или видела «в телевизоре». Нам было смешно читать, как Алеша удивлялся ванной или газовой плите, но было и интересно замечать, как измени-

лись самолеты, поезда, телефоны, лифты, эскалаторы в метро... — они, если сравнить, стали лучше, удобнее, быстрее.

Хочу только уточнить. Я не из тех взрослых, которые считают, что их дети должны любить их любимые книжки. Мой папа обожал «Робинзона Крузо», и во многом по этой причине я его так в детстве и не прочитал. И не только потому, что защищал, таким образом, своё право выбора. Просто книги объективно устаревают, в том числе и хорошие. И сегодня, скажем, «Таня Гроттер» (адекватный российский ответ их «Гарри Поттеру») интересней, может быть, «Трех толстяков». Ну и что тут плохого?

Михаил САДОВСКИЙ

Любимое

Серые окна обступили тёмную комнату. День чуть перевалил за середину. Морозище отгонял всякие мысли о гулянье. Что-то потрескивало в остывающей печи. Наступало самое любимое время с книгой у окна. Из щелей дуло, тянуло морозной свежестью, зато можно было ещё некоторое время не зажигать света... Глухо, тихо, всё знакомое подвижно и таинственно... огромный шкаф превращался в Тауэр, стеклянная дверца буфета — в иллюминатор Наутилуса, неразличимая фотография на стене — в портрет Николая Миклухо-Маклая, торчащий пучок камыша — в пики папуасов... Никакие самолёты и ракеты не могли бы перенести меня быстрее в разные города и страны... Безграничная, любимая книжная страна поглощала меня...

В те годы о телевизорах ещё и не слышали. Только учёные знали, что это такое. Приёмник тоже был не в каждой семье, а хороший стоил дорого и считался роскошью. Плееры, карманные игры, компьютеры, джойстики... Этих слов не существовало в мире! Зато книгу любили все. Одни больше, другие меньше... Некоторые вообще не могли жить без книг...

Я больше всего любил тоненькие брошюрки формата школьного учебника. Они стоили очень дёшево и продавались не только в магазинах, но и в киосках вместе с газетами и журналами. Эти книжечки выпускало общество «Знание», и рассказывалось в них обо всём на свете: землетрясениях, молниях, морях и океанах, рыбах, птицах, хищниках, машинах, домах, сталелитейных заводах, паровозах, электричестве, о холоде и космосе, о самолётах, мечтах полететь на Луну, о выдающихся учёных, путешественниках... Путешествия — моя вторая читательская страсть! Три тома путешествий капитана Джеймса Кука, книги Николая Пржевальского и Николая Миклухо-Маклая, «Хождение за три моря» Афанасия Никитина, сказки про Синбада Морехода, Дерсу Узала, Фенимор Купер, а особенно Жюль Верн!

Я не искал книги, они будто сами находили меня! Отовсюду без моей просьбы и призыва приходили и становились друзьями навсегда... Мне было семь, восемь, девять... И простому мальчишке, шалуну, драчуну, непоседе и выдумщику, ничего не стоило одолеть любые пространства и превратиться в кого угодно — от людоеда до обитателя Марса, от вождя индейцев до отважного морехода, полярника, лётчика, спасателя челюскинцев...

Однажды мама принесла мне довольно толстую книгу в твёрдом, обтянутом красно-кирпичной материей, переплёте с золотыми тиснёными буквами: наверху «Лев Толстой», а ниже в одну строку: «ДЕТСТВО ОТРОЧЕСТВО ЮНОСТЬ».

Я захлебнулся этой книгой! Будто от жажды набрал полный рот воды и не мог проглотить, а выпустить её обратно не было сил! Что-то произошло в мире — ко всем привычным запахам и вкусам прибавились аромат и вкус языка! Ко всем бестрашиям, гордостям, отвагам знакомых героев мне открылись вдруг и ошеломили тонкость чувствования, острое ощущение обид, достоинства, честности незнакомых мальчиков и девочек, непонятных взрослых мужчин и женщин, мир простых, но трудных поступков... Мир незнакомый, как я потом понял, навсегда ушедший и так гениально навсегда оставленный существовать для нас гением Льва Николаевича Толстого.

Я прочёл книгу, не отрываясь... Буквально, а не образно говоря! Когда наступил вечер, уже большая часть страниц была перевернута налево, но я не мог оторваться! И чтение продолжалось под одеялом при всё тускнеющем свете фонарика, потом (благо, все спали!) у окна под еле сочившимся сквозь морозные узоры тусклом свете заоконного фонаря, потом утром в школьном коридоре, на уроках, в толкотне переменок и снова дома у сереющих окон, обступивших крохотную и заставленную нашу комнату.

Особенно ошеломила меня первая часть — «ДЕТСТВО». Возможно, потому, что возраст героев книги и читателя буквально совпадали, а всё остальное разнилось так, что удивляло сильнее всех открытий и необыкновенных поступков, о которых довелось знать и читать прежде... Это трудно объяснить... Но многие страницы «Детства» стали эталоном для меня — читателя, а потом и писателя, на всю жизнь...

С чем сравнить эти страницы? Как описать впечатление от них? Они уже много десятилетий видятся мне произведением искусного ювелира, обравившего циферблат старинных часов! Эти строки звучат для меня, как филигранная игра великого скрипача! Эта книга сделала мне прививку от дурновкусия на всю оставшуюся жизнь. Действие этого антивируса со временем лишь усиливалось и усиливается до сих пор!

Нет возможности удержаться — я хочу поделиться с вами немедленно, чтобы вы со мной вместе восхитились, ещё до того, как возьмёте книгу Льва Николаевича Толстого и «проглотите» её, как я, как десятки миллионов тех, кто уже сделал это за полтора столетия её существования... Послушайте же:

«При шуме каждого мимо ехавшего экипажа я подбегал к окну, приставлял ладони к вискам и стеклу и с нетерпеливым любопытством смотрел на улицу. Из мрака, который сперва скрывал все предметы в окне, показывались понемногу: напротив — давно знакомая лавочка, с фонарём наискось — большой дом с двумя внизу освещёнными окнами, середине улицы — какой-нибудь ванька с двумя седоками или пустая коляска, шагом возвращающаяся домой; но вот к крыльцу подъехала карета, и я, в полной уверенности, что это Ивины, которые обещались приехать рано, бегу встречать их в переднюю. Вместо Ивиных за ливрейной рукой, отворившей дверь, показались две особы женского пола: одна большая, в синем солопе с собольим воротником, другая — маленькая, вся закутанная в зелёную шаль, из-под которой виднелись только маленькие ножки в меховых ботинках. Не обращая на моё присутствие в передней никакого внимания, хотя я счёл долгом при появлении

этих особ поклониться им, маленькая молча подошла к большой и остановилась перед нею. Большая размотала платок, закрывавший всю голову маленькой, расстегнула на ней салоп, и когда ливрейный лакей получил эти вещи под сохранение и снял с неё меховые ботинки, из закутанной особы вышла чудесная двенадцатилетняя девочка в коротеньком открытом кисейном платьице, белых панталончиках и крошечных чёрных башмачках. На беленькой шейке была чёрная бархатная ленточка; головка вся была в тёмно-русых кудрях, которые так хорошо шли к её прекрасному личику, а сзади — к голым плечикам, что никому, даже самому Карлу Ивановичу, я не поверил бы, что они выются так оттого, что с утра были завёрнуты в кусочки «Московских ведомостей» и что их прижимали горячими железными щипцами.

Казалось, она так и родилась с этой кудрявой головкой».

Ах, как трудно остановиться! Как прекрасно! Как легко дышится!

Во всём мировом искусстве найдётся не много примеров столь безгранично умелого, фантастически виртуозного владения инструментом, в данном случае — языком! Да ещё каким: великим и требовательным — русским!

Низкий поклон Льву Николаевичу за минуты счастья, которые он так щедро дарит! Сколько бы раз ни читать — столько и восхитишься! И не верьте никому, кто попытается разьяснить, почему это прекрасно (а по-другому и быть не может), кто захочет растолковать и сказать, в чём тут секрет... секрет в том, что этого сделать невозможно! Надо лишь вновь и вновь впитывать эти страницы и положиться на гений писателя, который открывает вам свою душу, мир и помогает понять самих себя...

Мы всю жизнь возвращаемся к своему детству, живём тем, что было заложено в нас природой, родителями, учителями, друзьями и недругами, всем окружающим миром. Я всю жизнь возвращаюсь к этой книге, чтобы насладиться, очиститься, а ещё чтобы понять, где ошибся, где сфальшивил или обманул, чтобы оглядеться и ступить на верную тропу, если сбился с дороги.